

В. В. Злобин
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. vvzlobin@edu.hse.ru
ORCID 0009-0008-2731-4970

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ БОБЫЛЕЙ ВОЛОГДЫ В XVII В. (К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПРИЗНАКАХ БОБЫЛЬСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ)

В статье рассматривается социальная мобильность бобылей Вологды в XVII в. На основе анализа сведений писцовых и переписных книг Вологды XVII в. о бобылях, ставших посадскими людьми, и посадских людях, ставших бобылями, предлагается ответ на вопрос об определяющих признаках бобыльской социальной группы. Автор делает вывод о прямой зависимости бобыльского статуса от уровня благосостояния человека. Для всех бобылей было характерно стесненное материальное положение, свидетельствующее о неспособности нести полноценное тягло. Повышение уровня благосостояния являлось условием перехода в группу посадских людей и начала несения полноценного тягла.

Ключевые слова: бобыли, посадские люди, Вологда, тягло, социальная мобильность, писцовые книги, переписные книги

Социальная история русского раннемоде́рного города сегодня продолжает изучаться в рамках традиционных проблематик (экономика города, устройство городских сообществ, демография, функционирование местных властей и т. д.). Между тем прочное место в ученых трудах уже давно завоевал антропологический подход при работе с самыми разными материалами – с его помощью классические направления исследований получили новый виток развития. Казавшиеся статичными городские группы жителей были облечены в живую ткань существовавших постоянных взаимодействий между ними, которые влекли за собой важные изменения в судьбах самих горожан и в конечном счете в характере самих сообществ [Davies; Кошелева; Каменский; Ляпин]. Однако выражены эти изменения в текстах источников лишь имплицитно. Далеко не всегда специалистам, занимавшимся бобылями, удавалось обнаружить свойственную этой группе внутреннюю динамику и подвижность, как и их причины.

Историками за время существования дискуссии об определяющих признаках бобыльства были даны различные и порой противоречивые определения этого социального явления. Их поиск осложнялся спецификой сложного состава бобылей: существовали сельская и посадская группы бобылей, которые не были связаны между собой и принадлежность к которым определялась местом проживания бобыля, а также его свободным (если он был связан с посадской общиной) или зависимым (если бобыль проживал в крестьянской общине и, соответственно, относился к ее сюзерену, за теми исключениями, когда крестьяне относились к разряду черносошных) социальным статусом. Различная география исследований также являлась фактором, затруднявшим поиски определения, но вместе с тем не всегда осознаваемым учеными. За время существования дискуссии многие историки предлагали различные варианты обобщенного определения бобылей [Беляев, с. 70; Блюменфельд, с. 301; Богословский, с. 136; Шапиро; Сахаров, с. 170–171; Дьяконов, с. 201]. Хотя еще в дореволюционной и советской историографии были высказаны основательные сомнения в возможности найти единое для всех групп бобыльства и для территории всей страны искомое определение, и в работах последних лет современными историками эти сомнения подтверждаются: сегодня отчетливо звучит тезис о существенной зависимости выводов о характерных чертах бобыльства от выбранных для исследования регионов, которые влекут за собой и выбор определенных бобыльских групп, и источников [Сергеевич, с. 132, 136–138, 467; Веселовский, с. 516, 518; Греков, с. 201–202, 207; Горфункель,

с. 640; Никонов; Борисов]. Именно по этой причине сегодня необходимость систематического изучения локальных особенностей в положении бобыльской социальной группы выходит на первый план. Предлагаемая статья обращается к рассмотрению социально-экономического положения бобылей Вологды в XVII в., которое до сих пор не изучалось.

Дискуссия об определяющих признаках бобыльской социальной группы показала, что не менее, чем сам исследуемый материал, важен предмет исследования. Историки по-разному подходили к поиску определения бобыльства, что приводило к разным результатам. Одним из возможных путей наряду с изучением материального положения и занятий бобылей являлось изучение социальной мобильности. Первым, кто обратил внимание на важность этого подхода, был И. М. Кулишер. Историк приравнивал бобыля к вольному гулящему человеку, отмечая пришлый, «подвижный» характер бобыльства, отличавший бобылей от местного населения [Кулишер 2004, с. 268–270]. В бобылях он видел ремесленников или наемных рабочих, при этом, когда бобыль оседал на месте, между ним и крестьянином или посадским человеком стиралась экономическая разница, при сохранении лишь юридической – бобыли не несли тягло. Развитием разысканий И. М. Кулишера можно считать статью К. Н. Сербиной о тихвинских посадских бобылях, в которой она заключает, что бобыльство, будучи пришлым элементом (бобылей она приравнивала к новоприходцам), являлось временным состоянием – бобыли либо становились посадскими людьми, либо переходили на другую территорию [Сербина]. Современные исследования опровергают тезисы И. М. Кулишера и К. Н. Сербиной о непреходящем «подвижном» характере бобыльства – бобылями становились и представители местного населения [Борисов, с. 16–17]. Тем не менее отрицать, что бобыли были склонны со временем переходить в другие социальные группы, трудно. До сих пор в историографии не рассматривались те посадские бобыли, которые не переходили со своего места, но участвовали в социальной мобильности. Это же справедливо и применительно к представителям иных групп населения, переходивших в бобыльство.

Нельзя обойти вниманием ряд важных современных исследований по социальной истории Вологды XVII в., сделанных А. Н. Гуслистовой и А. Л. Грязновым. Ими был накоплен солидный просопографический материал, на основе которого пристальному изучению был подвергнут ряд прежде не рассматривавшихся вопросов: о принципах выборов вологодского посадского самоуправления, о биографиях крупнейших вологодских торговых династий XVII в., о степени достоверности данных дозорной 1617 г. и писцовой 1626–1628 гг. книг и др. [Грязнов; Гуслистова 2020; Гуслистова 2021]. Во многом настоящая работа, написанная на том же круге источников, что и статьи А. Н. Гуслистовой и А. Л. Грязнова, и пользующаяся схожими методами, является продолжением их просопографических изысканий, на этот раз посвященным вологодским бобылям и посадским людям.

Для исследования выбраны данные валовых описаний Вологды за XVII в. (писцовые книги, в том числе одна дозорная, переписные книги, «имянные сороковые книги»)¹. Во всех книгах преимущественно содержится информация о городских дворах, в которую включались сведения об их владельцах, о жителях, с указанием социальной группы и иногда профессии. В случае писцовых книг фиксировались также размеры дворов и выплачиваемого с двора оброка при наличии. Материальное положение горожан, которое в целом и фиксировалось в переписях, может указать на причины происходившей социальной мобильности. Охват переписей, которым подлежало все мужское население города вместе со вдовами (в переписных книгах),

¹ Полный перечень используемых источников: писцовые книги Вологды 1626–1628 гг., 1685–1686 гг.; переписные книги Вологды 1646 г., 1657–1658 гг., 1678 г.; дозорная книга Вологды 1617 г.; «имянные сороковые книги» 1686–1688 гг. В статье будут использоваться публикации всех книг, сделанные в 2008 и 2018 гг. коллективом ученых под редакцией И. В. Пугача.

позволяет, не замыкаясь в частных случаях, делать выводы об общих для всей социальной группы бобылей явлениях, сопровождавших переходы. В Вологде в течение XVII в. описания проводились с промежутком от 9 до 20 лет, в разные книги могли попадать одни и те же люди, поэтому проследить за изменениями в социальной принадлежности отдельных лиц реально. В связи с тем, что книги фиксируют ситуацию лишь на момент их составления, установить факт произошедшей социальной мобильности возможно лишь косвенно, прибегнув к сопоставлению книг, что влечет за собой ряд сложностей².

Переходы вологодских посадских людей в бобыли

В XVII в. подавляющее большинство жителей Вологды являлось посадскими людьми [Черкасова 2003; Водарский]. Именно из их среды пополнялись бобыли, и, наоборот, именно посадскими людьми обычно становились вологодские бобыли.

Начнем исследование с истории переходов вологжан в бобыли. Рассмотрение этих случаев позволит понять, с какими условиями связывалось для человека получение бобыльского статуса и что, в свою очередь, впоследствии могло стать условием выхода из бобыльской группы.

Дозорная книга 1616–1617 гг. не содержит сведений о бобыльских дворах, так как составителей «дозора» интересовала лишь та часть населения, которая должна была исполнять государственные повинности [Дозорная книга посада Вологды, с. 333]. Однако в ней упомянуты посадские (15 человек), которые спустя время перешли в бобыли [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 242, 249, 251, 261, 262, 263, 265]. Это устанавливается по сопоставлению данных «дозора» с ближайшей переписью 1626–1628 гг. Из этих 15 посадских 9 перестали жить в своих дворах вследствие последовавшего в 1612 г. за польско-литовским нападением на Вологду обнищания («вологодцаго разоренья», словами источника) – «скитаются по миру», «сошли безвестно» и т. п. Среди них 6 человек стали жить по возвращении в Вологду с другими бобылями, хотя прежде имели самостоятельное владение. Показателен пример Луки Шлейникова. До своего ухода из Вологды в 1614 г. он владел «местом дворовым» [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 263]. В 1626–1628 гг. он уже жил во дворе с другими бобылями, а про прежнее «место дворовое» сказано, что оно заброшено, с указанием на то, что хозяин сменил место жительства [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 153]. Лука Шлейников лишился возможности сохранять за собой свою собственность, обретя взамен лишь долю в бобыльском участке. В остальных случаях бывшие посадские люди жили с 1 бобылем, информация же об их прежних владениях отсутствует³.

Не все вернувшиеся бывшие посадские люди оказались способными не обнищать снова. Фома Иванов в 1613 г. вследствие литовского разоренья «сшел безвестно» [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 261]. Спустя годы он вернулся в Вологду, став бобылем, но из-за долгов снова «сшел безвестно» [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 149]. В переписной книге 1646 г. он записан вместе со своей женой как нищий, живущий в келье на архиепископовой земле [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 21].

Рассмотрим теперь истории бывших посадских людей, которые не покидали свои владения в отмеченный период. Четверо из них, по дозору 1616–1617 гг., принадлежали к «младшим» посадским людям⁴, то есть были способны нести полноценное посадское тягло, но

² Главная проблема выбранной методики – это высокая частотность упоминаний некоторых сочетаний имен и фамилий (Иван Иванов, Иван Васильев, Иван Гаврилов и т. д.). Если не было дополнительных сведений (например, прозвища или профессии), по которым можно было бы узнать конкретных людей, то такие случаи во внимание не принимались.

³ См., например, данные об Иване Росторгуе [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 163].

⁴ См. данные о Богдане Карпове, Кирилле Ветошнике, Иване Козулине, Терентии Кириллове [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 239, 240, 249, 250].

к 1626–1628 гг. эту способность утратили, став бобылями. Некоторые примеры отмечены бедностью и порой нищетой. Так, Терентий Кириллов, став бобылем после 1616–1617 гг., как и Фома Иванов, в 1626–1628 гг. «ходит по миру» – его разорение налицо. Иван Козулин делает «черное дело», что являлось одной из самых низкооплачиваемых работ в то время [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 171; Кулишер 2003, с. 427].

Ждан Бобров не покидал Вологду в период между «дозором» и писцовым описанием 1626–1628 гг., однако тоже перешел из посадских людей в бобыли. В 1616–1617 гг. он владел «местом дворовым» на посаде и двором в городе, однако к 1626–1628 гг. за ним в собственности остался только двор [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 95, 242]. Что стало с прежним «местом дворовым» – неизвестно, но можно точно утверждать: его Ждан Бобров лишился, так как даже если бы оно было заброшенным, но принадлежало ему, то писцы учли бы это и внесли в книгу соответствующую информацию.

Итак, рассмотренные примеры переходов посадских людей в бобыли с 1617 по 1626–1628 гг. свидетельствуют о том, что их причиной или сопутствующим обстоятельством было ухудшение благосостояния посадского человека, принимавшее разные формы, но в любом случае приводившее к переходу в бобыльство. Не всегда возможно оценить степень этого ухудшения, но некоторые примеры рисуют довольно тяжелую картину – вроде полной утраты собственного двора или места дворового, бродяжничества. Таким образом, становление бобылем для посадского человека было сопряжено с осложненным материальным положением. Это влекло за собой ко всему сказанному выход из полноценного несения тягла, которым посадский мир обкладывал своих членов в соответствии с их уровнем благосостояния. Так что бобыльский статус становился выражением льготы, которую получал посадский человек, оказавшийся в трудной материальной ситуации. В нашем случае в этой льготе нуждались те, кто разорился вследствие польско-литовского нападения на Вологду 1612 г. Если со временем бобыль улучшал уровень своего благосостояния, то вновь становился посадским человеком. Об этих примерах пойдет речь ниже.

Переходы вологодских бобылей в посадские люди

Как в первой, так и во второй половине XVII в. значительное количество переходов совершили бобыли, о чьей деятельности в рассматриваемых источниках нет сведений, а также нет информации, при помощи которой было бы возможно хотя бы приблизительно определить уровень их благосостояния. Такие случаи не способны оказать исследованию существенной помощи: кроме факта произошедшего перехода, они больше ни о чем не сообщают. Отличается группа описаний, в которых нет сведений о профессии и доходах, но присутствуют данные, исходя из которых прямо или косвенно можно сделать вывод о благосостоянии бобыля.

Богдан Луппов, вместе с братом Яковом, по писцовой книге 1626–1628 гг., «ходит по миру» [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 160]. В переписной книге 1646 г. информации о братьях нет, стоит думать, как раз по той причине, что оба скитаются, а их пустой двор перешел в чужую собственность. В следующую перепись 1657–1658 гг. Богдан Луппов уже попал, причем вместе с сыном Федором, и был записан как посадский человек [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 209]. Один факт попадания в переписную книгу 1657–1658 гг. свидетельствовал о возросшем уровне благосостояния Богдана Луппова, ведь в нее включались лишь боеспособные жители Вологды⁵.

⁵ Переписная книга составлялась в условиях шедшей русско-шведской войны, а потому носила военно-учетный характер [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 181]. Горожане должны были обеспечивать свою боеспособность самостоятельно, а потому попасть в книгу могли лишь те, чей уровень благосостояния был достаточно высок для несения службы. В книге упомянуто лишь 95 бобылей (4 % от прошедших сборы), при том что в 1646 г. их было 923 человека, в 1678 г. – 1165 человек.

Другой пример – бобыль Григорий Степанов. Ему, по сведениям писцовой книги 1626–1628 гг., дали «место дворовое» для «дворовой ставки» под льготу с 1628 по 1631 г. По истечении этого срока он должен был начать нести посадское тягло [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 165–166]. Действительно, уже в следующую перепись 1646 г. он становится посадским тяглым человеком, в 1657–1658 гг. он также посадский человек [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 50; т. 3, с. 228]. Приведенный случай является крайне ценным – это один из немногих примеров, из которых известно, что бобылям посадским миром могли даваться под льготу участки, после чего те должны были присоединиться к посадскому тяглу. Как только, с точки зрения посадского мира, который и будет, исходя из записи писцовой книги, обладывать его тяглом, Григорий Степанов окажется способен нести тягло наравне с остальными посадскими людьми, его бобыльский статус будет утрачен. Таким образом, выход на уровень достаточного для несения тягла благосостояния является неперенным условием выхода из бобыльства, что подтверждает пример Григория Степанова. Рассмотренные случаи переходов Богдана Луппова и Семена Кириллова также свидетельствуют о том, что их социальная мобильность была связана с укрепившимся материальным положением.

О том, как посадский мир определял статус бобылей, стоит сказать отдельно, дабы подтвердить прозвучавший выше тезис: посадские люди выступали в роли оценщика их благосостояния, тем самым решая, способен бобыль нести тягло или нет, что влекло за собой переход в группу посадских людей.

Существует две группы примеров из источников, которые указывают на такое положение дел. Во-первых, примеры, аналогичные случаю Григория Степанова, которые не удастся использовать для исследования социальной мобильности бобылей, потому что в следующих описаниях этих людей уже не было. Всего в 1626–1628 гг. 9 бобылям было выдано 5 «мест дворовых» «для дворовой ставки» [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 148, 150, 152]. Все трое среди них, кто попал в следующие переписи, стали посадскими людьми (Василий Железов, Тит Лукин, Пятун Игнатъев). Условия льготы для всех были одинаковыми: к 1631 г., спустя три года (то есть с 1628 г.), все бобыли должны были начать нести тягло вместе с остальными посадскими людьми. Снова посадский мир и выдает дворы под ставки, предоставляя бобылю льготу от несения тягла на установленный срок, и определяет дальнейшую судьбу бобыля. Таким образом, при несении тягла должна исчезнуть и принадлежность к бобыльской группе. Однако порой случалось и так, что бобыли отказывали посадскому миру в праве причислять их к тяглу.

Вторую группу примеров составляют зафиксированные в переписной книге 1646 г. случаи насильственной (против воли бобыля) приписки бобыльских дворов к числу тяглых. Всего таких примеров пять [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 6, 7, 10, 17, 69]. Все они относятся к архиепископовым бобылям, которые были причислены посадским миром к группе посадских людей. Архиепископовы приказчики сообщили писцам о произошедшем. В чью пользу было решено дело – неизвестно. В любом случае эти примеры демонстрируют, что вологодский посадский мир мог причислять бобылей (даже архиепископа) к числу тяглецов, вероятно, руководствуясь соображениями экономического характера: чем больше людей станет нести тягло, тем легче оно будет.

Теперь перейдем к группе описаний, в которых есть информация о занятиях бобылей, ставших посадскими людьми. Примеры, в соответствии с самими занятиями, можно разделить на несколько групп.

Первая – это бобыли, выполнявшие «черное дело», то есть исполнявшие всякую домашнюю работу у нанимателей [Мерцалов, с. 36–39]. Несмотря на то что такая работа обычно

приносила меньший доход, чем другие занятия, даже эти бобыли со временем меняли свою социальную группу. В 1626–1628 гг. Иван Ермолин вместе со своим братом Богданом делали «черное дело» и жили совместно [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 312]. Позже они разъехались по своим дворам, в которых жили с детьми, при этом уже в переписной книге 1646 г. Иван Ермолин отмечен как посадский человек (про Богдана Ермолина в этой книге информации нет) [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 25]. В 1657–1658 гг. оба были посадскими людьми, а Богдан Ермолин дожил и до переписи 1678 г. – в своем дворе он проживал с 4 внуками [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 192, 228]. Впервые с переписи 1626–1628 гг. говорится о его занятиях: он был пряничником [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 144]. Таким образом, братья Ермолины прошли путь от бобылей, выполнявших «черное дело» и не имевших собственных отдельных владений, до посадских людей, сумевших обеспечить себя собственными владениями и содержать большую семью, даже на старости лет (Богдан Ермолин к 1678 г. должен был быть довольно пожилым человеком). И снова можно заключить: вместе с ростом благосостояния исчезла и принадлежность Ермолиных к бобылям.

Вторая группа – примеры обычных ремесленников и торговцев. В 1626–1628 гг. бобыль Дружина Панфилов являлся новоприходцем (сколько лет он находился в Вологде к моменту переписи – неизвестно), был серебряником [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 311]. Серебряников среди бобылей было крайне мало, их работа была обычно довольно высокооплачиваемой даже по сравнению с другими профессиями, связанными с металлообработкой [Кулишер 2003, с. 426–427]. В перепись 1646 г. он не попал, а в 1657–1658 гг. был записан как посадский человек [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 218]. После того как приходский статус исчез, сменилась и принадлежность к бобылям, а занятие Дружины Панфилова, при его сравнительно высокой доходности (если Дружина Панфилов в 1657–1658 гг. оставался серебряником, о чем переписная книга не сообщает), обеспечивало возможность нести тягло наравне с посадскими людьми.

История братьев-сапожников Степана и Петра Звонарёвых представляет собой один из уникальных случаев переходов между бобыльской группой и группой посадских людей в двух направлениях в течение одной жизни. В 1626–1628 гг. братья, посадские люди, владели 2 дворами (один двор сдавался вдове Кунавке Семеновой, вероятно, в аренду) [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 95]. В переписной книге 1646 г. Степана Звонарёва нет, но в 1657–1658 гг. он вновь попал на страницы источников – тогда он был бобылем, как и его брат [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 227]. Следующее упоминание лишь в писцовой книге 1685–1686 гг., в которой сказано о его с братом Петром заброшенном месте лавочном, при этом оба записаны как посадские люди [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 28]. По всей видимости, к переписи 1678 г., в которой оба не участвовали, братья либо уже умерли, либо покинули Вологду, и это положение сохранилось и к 1685–1686 гг.

Такое же объяснение стоит искать и их отсутствию в переписной книге 1646 г. – братья не присутствовали в Вологде, иначе, как и все остальные посадские люди, были бы переписаны. Вернувшись в Вологду к 1657–1658 гг., братья были определены посадским миром в бобыли, как и в случае с Дружиной Панфиловым. Их нельзя назвать новоприходцами в полном смысле этого слова, так как они прежде жили в Вологде и владели в ней дворами, но, видимо, даже временное отсутствие (сколько лет братьев Звонарёвых не было в Вологде – неизвестно) в своем дворе (соответственно, и при своем деле) могло определить их причисление к бобыльской группе, характер которой, как отмечалось выше, стоит признать «льготным». В таком случае к 1657–1658 гг. возвращение Звонарёвых еще считалось событием недавним, либо же, с точки

зрения посадского мира, еще не возникли благоприятные условия, определившие бы достаточный для несения тягла уровень благосостояния братьев.

Как видим, бобыльский статус мог предоставляться новоприходцам и действовал на время «освоения» на новом месте, затем он утрачивался – бобыли-новоприходцы становились посадскими людьми, начинали нести полноценное тягло.

Этот вывод можно дополнительно подтвердить историей одного вологодского семейства посадских людей – Армениновых. Семен Арменинов, отец, как можно будет убедиться далее, большого семейства, покинул Вологду к дозору 1616–1617 гг. [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 249]. То же разорение, вынудившее покинуть свои дворы, постигло и брата Семена, Оникея Арменинова. Ко времени составления писцового описания 1626–1628 гг. Семен приобрел бобыльский статус [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 169]. В этой же книге встречается еще один брат Семена – посадский человек Ареф Арменинов, которого в Вологде во время переписи не было («ходил по миру»), зато известно, что свой двор он продал боярину Ивану Никитичу Романову, дяде царя Михаила Федоровича. Купчая была составлена в 1623 г. – возможно, тогда Ареф и покинул Вологду [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 139].

В 1646 г. Ареф проживал в Вологде. При этом он стал бобылем (жил во дворе посадских людей Свешниковых) [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 67]. Далее сведения о нем обрываются. Ничего нельзя сказать и о том, что стало с Семеном Армениновым, который после 1626–1628 гг. в тексты источников не попадал. Однако есть информация о его детях. Два брата, Калина и Андрей Семеновы дети Армениновы, в 1646 г. жили одним двором, будучи посадскими людьми. Братья (вместе с младшим, Емельяном) попали в переписную книгу 1657–1658 гг. – их социальная группа не изменилась [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 226, 227]. В 1678 г. Емельян Семенов сын Арменинов являлся посадским человеком, проживал в своем дворе с 2 детьми, Петром и Потапом [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 152]. Его племянник, Яким Калинин сын Арменинов, в 1678 г. тоже посадский человек, проживал в своем дворе вместе с братом Степаном, своими детьми и детьми брата [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 94]. Петр и Потап, посадские люди, вместе со своим двоюродным братом Степаном и его сыном, проживали в Вологде в 1686–1687 гг. [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 1, с. 263].

Социальная группа детей и внуков Семена Арменинова не изменилась в течение XVII в. – они всегда оставались посадскими людьми, что резонно считать отражением их стабильного материального положения. Можно предположить, что и сам Семен Арменинов к концу своей жизни стал посадским человеком, тем самым передав этот статус своим сыновьям, которые в источниках впервые появляются именно с такой социальной принадлежностью. Эта версия выглядит логичной и в связи с историей Арефа Арменинова. Он покинул Вологду и по возвращении, уже не обладая прежним собственным двором, который он продал, перестал быть посадским человеком, так как находился в затруднительном материальном положении. Он был вынужден проживать в чужом дворе и не мог нести полноценное тягло. С Семеном Армениновым ситуация была схожая: он покинул Вологду посадским человеком, вернулся бобылем. Однако для его возвращения в группу посадских людей могло сложиться больше факторов, чем было у Арефа, – и наличие собственного двора, и взрослые дети, которые могли принимать участие в занятиях отца. То обстоятельство, что дети Семена обладали 2 дворами, не проживая все вместе в одном, говорит, как минимум, о наличии возможности купить еще один двор к имеющемуся, чего Ареф Арменинов не мог себе позволить, будучи бобылем. Всё сказанное отсылает нас к уже прозвучавшему выводу: бобыль-новоприходец становился со временем посадским

человеком, если его материальное положение в достаточной мере за годы пребывания на новом месте укрепилось, в противном случае он оставался бобылем, если его благосостояние не обеспечивало ему возможность нести полноценное тягло вместе с посадскими людьми.

Рассмотренные здесь примеры социальной мобильности бобылей, а также посадских людей, ставших бобылями, свидетельствуют о том, что главным условием, с которым связывалось направление переходов, являлся уровень материального положения, на котором находился человек. Когда благосостояние было невысоким, посадский человек либо переходил в бобыльскую группу, либо продолжал оставаться в ней. Когда благосостояние было отмечено ростом, бобыль переставал принадлежать своей социальной группе, становясь посадским человеком. Определялся уровень материального положения способностью нести полноценное тягло, а в роли оценщика выступал посадский мир.

Чтобы дополнительно подтвердить тезис о низком материальном благополучии всех представителей бобыльства как об определяющем признаке этой группы, можно обратиться к данным об их оброках, которые присутствуют в писцовой книге 1626–1628 гг.

По подсчетам А. Е. Мерцалова, средний оброк бобылей в 1626–1628 гг. равнялся 17 копеек с двора и 10 копеек с человека [Мерцалов, с. 35]. Для сравнения: посадские тяглые люди в то же время платили подати в совокупности в среднем по 1 рублю с двора – более чем значительная разница, и уже на одном этом основании можно поставить бобылей на более низкую ступень благосостояния по сравнению с посадскими людьми [Мерцалов, с. 41]. Чтобы подкрепить или опровергнуть наблюдения А. Е. Мерцалова, мною были проанализированы сведения обо всех бобылях различных профессий, выплачивавших оброк. Представители профессий, связанных с изготовлением съестных припасов, изготовлением и ремонтом одежды, кожевенным и ткацким производствами, плотницким делом, выплачивали оброки от 10 до 12 копеек с человека [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 149, 166, 170, 172]. Бобыли, занимавшиеся металлообработкой (серебряники, кузнецы, котельники и т. д.), платили от 7,5 до 15 копеек оброка с человека [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 68, 144, 152, 167]. Бобыли, занятые «черным делом», платили оброки от 6 до 15 копеек, а ярыжные – 10 копеек [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 158, 171]. Самый большой оброк среди бобылей был обнаружен у иконника Ларки Кривошея, который платил 25 копеек, что, вероятно, не было связано с доходностью самого ремесла, так как другие бобыли-иконники платили оброк значительно меньший [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 144, 167].

Анализ оброков бобылей позволяет говорить о том, что выводы А. Е. Мерцалова следует признать правомерными. Стоит подчеркнуть, что среди вологодских бобылей в 1626–1628 гг. почти не встречалось тех, чей оброк значительно превышал бы размеры оброков других бобылей. Даже в тех случаях, когда чей-то оброк превышал средние показатели, все равно он и близко не приближался к выплатам посадских людей. Следовательно, какой бы профессией ни были заняты бобыли, они всегда платили меньше посадских людей, что подчеркивает их низкий уровень благосостояния. К сказанному еще следует добавить, что, по данным той же писцовой книги 1626–1628 гг., 119 бобылей «ходят по миру», «сошли безвестно», то есть нищенствуют. Это порядка трети всех переписанных бобылей [Писцовые и переписные книги Вологды, т. 3, с. 69–101, 144–174]. Таким образом, вновь имеются основания подтвердить тезис о низком уровне материального благосостояния вологодских бобылей, особенно в сравнении с посадскими людьми.

Численность бобылей, сменивших социальную группу в XVII в.

Насколько устойчивой была группа вологодских бобылей по своему составу? Для ответа необходимо учитывать лишь число тех бобылей, которые участвовали в более чем одной переписи, а не всех бобылей вообще в рассматриваемый промежуток времени, чтобы увидеть состав бобыльской группы в динамике⁶. Подсчеты производились по всем используемым в исследовании книгам (от писцовой книги 1626–1628 гг. до «сороковой имянной книги» 1686–1687 гг.). По их результатам можно сказать, что в период с 1626–1628 по 1646–1657/1658 гг. из 101 бобыля, участвовавшего в переписях тех лет, 68 стали посадскими людьми, а 34 оставались бобылями. Из 105 бобылей, упоминаемых в книгах 1646 г., 1678 г., 1685–1686 гг., 1686–1687 гг. (16 есть в переписной книге 1646 г., остальные 89 попали только в книги, созданные после чумы 1654 г.)⁷, 67 сменили свою социальную группу, 38 – нет⁸.

Несмотря на то что большинство бобылей становилось со временем посадскими людьми, некорректно было бы утверждать, что вологодское бобыльство было крайне неустойчивой по составу группой населения, – порядка 30 % и в первую, и во вторую половину столетия оставались в своей социальной группе. В том, что примерно одно и то же число бобылей участвовало или не участвовало в социальной мобильности в 1626–1628 – 1646–1657/1658 и в 1646–1687/1689 гг., сложно усматривать закономерность хотя бы потому, что в Вологде между переписями была большая «утечка» людей. Между тремя полноценными описаниями (1626–1628 гг., 1646 г., 1678 г.) слишком мало пересечений в конкретных людях, что относится не только к бобылям, но и ко всем жителям города. Даже при беглом взгляде на именные указатели используемых томов писцовых и переписных книг Вологды заметно, насколько мало число лиц, попавших в несколько книг⁹.

Если брать во внимание, что судьбу бобыльского статуса определял вологодский посадский мир, то станет ясным, насколько он был заинтересован в приобретении новых тяглов в течение всего XVII в. Исходя из рассмотренных выше примеров социальной мобильности и приведенной статистики, можно утверждать, что, как только наступали благоприятные условия, для того чтобы бобыль начал нести тягло, его присоединяли к числу посадских людей (а вместе с ним и всю его семью, на которую падало бремя взрослых податей) – и эта высокая динамика изменений отразилась в источниках. При этом стоит аккуратно подходить к таким выводам, потому что по источникам нам неизвестны четкие критерии, которыми пользовался посадский мир для определения уровня материального положения бобыля. Остается полагать, что решения по конкретным случаям принимались ситуативно, согласуясь с имевшейся практикой и известными для всех принципами, которые, видимо, и не требовали фиксации.

Заключение

Исследование истории социальной мобильности вологодских бобылей в XVII в. показало, что переходы в группу посадских людей были распространенным явлением (как в первой,

⁶ Большинство бобылей, как и остальных вологодских жителей, принимало участие лишь в одной переписи. Это осложняет выводы об устойчивости бобыльства.

⁷ Эпидемия повлекла за собой катастрофическую убыль населения. По некоторым данным, болезнь унесла половину жителей (Фалин Н. В. Краткий обзор движения населения города Вологды // Государственный архив Вологодской области. Ф. 652. Оп. 1. Д. 43. Л. 5; цит. по: [Черкасова 2007]).

⁸ Важно сказать, что приводимая статистика не может претендовать на всеохватывающий характер. Во-первых, содержательно некоторые описания значительно расходятся (в писцовых книгах есть информация только о дворовладельцах, в переписных – обо всех жителях двора, кроме женской его части). Во-вторых, из книг выпали лица, зафиксированные в одной переписи, но не дожившие до другой, которые за этот промежуток времени могли сменить социальную группу. В-третьих, в связи с отсутствием достаточных косвенных данных сохраняется проблема идентификации конкретных людей из-за высокой распространенности некоторых сочетаний имен и отчеств.

⁹ В именных указателях фиксируются случаи нахождения одного и того же лица в нескольких книгах.

так и во второй половине века большинство бобылей становилось посадскими людьми). Связаны они были с ростом благосостояния бобыля. В случаях же, когда посадский человек становился бобылем, обстоятельства были прямо противоположными – они отмечены ухудшением материального положения.

Анализ переходов бобылей-приходцев продемонстрировал, что их бобыльский статус являлся временным – как только, с точки зрения посадского мира, выступавшего в роли компетентного оценщика, они становились способными нести полноценное тягло, новоприходцы переходили в группу посадских людей. Этот вывод в известной мере подтверждает положения работы К. Н. Сербиной о тихвинских посадских бобылях, однако благодаря анализу примеров переходов не одних лишь новоприходцев можно уточнить, что главной причиной становления посадским человеком для новоприходца было укрепление его материального положения. Укрепление шло по мере освоения на новом месте, на время которого предоставлялся бобыльский статус. Так что связывать бобыльский статус лишь с «подвижным» характером этой категории населения некорректно.

Накопленные наблюдения позволяют сделать вывод о сущности вологодского бобыльства. Первичными в этой социальной группе стоит признать экономические признаки. Все бобыли относились к прослойке бедного населения, неспособного нести тягло, которое было заменено для них облегченным оброком. Появление способности нести тягло, отмеченное ростом материального благосостояния, становилось условием для перехода в группу посадских людей. Таким образом, юридические изменения следовали за переменами экономического характера. Бобыльский статус выступал формальным закреплением стесненного экономического положения человека. Вологодские бобыли были неотъемлемой частью корпорации посадских людей, которые и определяли, является человек бобылем или способен нести тягло.

Источники

Дозорная книга посада Вологды кн. П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616–1617 гг. (публикация Ю. С. Васильева) // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 333–370.

Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Вологда, 2008–2018. Т. 1–3.

Литература

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси: исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1859. XII, 306 с.

Блюменфельд Г. Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. 346 с.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. 322, 105 с.

Борисов В. Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 6–26.

Веселовский С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. 442 с.

Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII веке // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 3. С. 253–366.

Горфункель А. Х. Термин «бобыль» в источниках XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1963. С. 640–648.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1954. Кн. 2. 470 с.

Грязнов А. Л. Руководство вологодской посадской общины в первой половине – середине XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга; М., 2019. С. 339–349.

- Гуслистова А. Н. Просопография посадских людей Вологды XVII в.: демографические последствия Смуты // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 123–126.
- Гуслистова А. Н. Проблемы идентификации посадских людей г. Вологды в писцовых и переписных книгах первой половины XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 46–58.
- Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). М., 2011. 348 с.
- Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 403 с.
- Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.
- Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. 557 с.
- Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск, 2004. 269 с.
- Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения юга России в XVII веке. СПб., 2020. 413 с.
- Мерцалов А. Е. Очерк г. Вологды по Писцовой книге 1627 г. // Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Вологда, 1887. Т. 5. С. 1–51.
- Никонов С. А. Бобыли Кольского севера в XVII–XVIII вв.: на материале Кандалакшской волости Кольского уезда // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 2. С. 47–70.
- Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. по материалам патриаршего хозяйства. М., 1996. 228 с.
- Сербина К. Н. К вопросу о бобылях // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 172–177.
- Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1903. Т. 3. XII, 496 с.
- Черкасова М. С. Население Вологды в конце XVII века // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 4. С. 216–267.
- Черкасова М. С. Краевед Н. В. Фалин как историк народонаселения // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 342–366. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/3_03.htm#17 (дата обращения: 19.06.2025).
- Шаниро А. Л. Бобыльство в России в XVI–XVII вв. // История СССР. 1960. № 3. С. 49–66.
- Davies B. L. State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. London, 2004. 308 p.

References

- Belyaev, I. D. Krest'yane na Rusi: issledovanie o postepennoe izmenenii znacheniya krest'yan v russkom obshchestve. Moscow, 1859. XII, 306 p. (In Russ.)
- Blyumenfel'd, G. F. O formakh zemlevladieniya v drevnei Rossii. Odessa, 1884. 346 p. (In Russ.)
- Bogoslovskii, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. Moscow, 1909. Vol. 1. 322, 105 p. (In Russ.)
- Borisov, V. E. Gulyashchie lyudi i drugie netyaglye kategorii naseleniya za Uralom v XVII v. In *Novyi istoricheskii vestnik*. 2013. No. 3. Pp. 6–26. (In Russ.)
- Cherkasova, M. S. Naselenie Vologdy v kontse XVII veka. In *Vologda: istoriko-kraevedcheskii al'manakh*. Vologda, 2003. Iss. 4. Pp. 216–267. (In Russ.)
- Cherkasova, M. S. Kraeved N. V. Falin kak istorik narodonaseleniya // Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya. Vologda, 2007. Pp. 342–366. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/3_03.htm#17 (accessed 19 June 2025). (In Russ.)
- Davies, B. L. State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. London, 2004. 308 p.
- D'yakonov, M. A. Ocherki iz istorii sel'skogo naseleniya v Moskovskom gosudarstve (XVI–XVII vv.). Moscow, 2011. 348 p. (In Russ.)
- Gorfunkel', A. Kh. Termin "bobyly" v istochnikakh XVII v. In *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya istorii SSSR*. Moscow, 1963. Pp. 640–648. (In Russ.)
- Grekov, B. D. Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII v. Moscow, 1954. Book 2. 470 p. (In Russ.)

- Gryaznov, A. L. Rukovodstvo vologodskoi posadskoi obshchiny v pervoi polovine – seredine XVII v. In *Vyzov vremeni: stanovlenie tsentralizovannykh gosudarstv na Vostoke i Zapade Evropy v kontse XV – XVII v.* Kaluga; Moscow, 2019. Pp. 339–349. (In Russ.)
- Guslistova, A. N. Prosopografiya posadskikh lyudei Vologdy XVII v.: demograficheskie posledstviya Smuty. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Moscow, 2020. Pp. 123–126. (In Russ.)
- Guslistova, A. N. Problemy identifikatsii posadskikh lyudei g. Vologdy v pistsovykh i perepisnykh knigakh pervoi poloviny XVII v. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli.* 2020. Rostov, 2021. Pp. 46–58. (In Russ.)
- Kamenskii, A. B. Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei: Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII veka. Moscow, 2006. 403 p. (In Russ.)
- Kosheleva, O. E. Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni. Moscow, 2004. 486 p. (In Russ.)
- Kulisher, I. M. Istoriya russkoi trgovli i promyshlennosti. Chelyabinsk, 2003. 557 p. (In Russ.)
- Kulisher, I. M. Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva. 2-e izd. Chelyabinsk, 2004. 269 p. (In Russ.)
- Lyapin, D. A. Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya yuga Rossii v XVII veke. Saint Petersburg, 2020. 413 p. (In Russ.)
- Mertsalov, A. E. Ocherk g. Vologdy po Pistsovoi knige 1627 g. In *Vologodskii sbornik, izdavaemyi Vologodskim gubernskim statisticheskim komitetom.* Vologda, 1887. Vol. 5. Pp. 1–51. (In Russ.)
- Nikonov, S. A. Bobyli Kol'skogo severa v XVII–XVIII vv.: na materiale Kandalakshskoi volosti Kol'skogo uезда. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta.* 2008. Iss. 2. Pp. 47–70. (In Russ.)
- Sakharov, A. N. Russkaya derevnya XVII v. po materialam patriarshego khozyaistva. Moscow, 1996. 228 p. (In Russ.)
- Serbina, K. N. K voprosu o bobyl'yakh. In *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya.* Moscow, 1952. Pp. 172–177. (In Russ.)
- Sergeevich, V. I. Russkie yuridicheskie drevnosti. Saint Petersburg, 1903. Vol. 3. XII, 496 p. (In Russ.)
- Shapiro, A. L. Bobyl'stvo v Rossii v XVI–XVII vv. In *Istoriya SSSR.* 1960. No. 3. Pp. 49–66. (In Russ.)
- Veselovskii, S. B. Soshnoe pis'mo: issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva. Moscow, 1915. Vol. 1. 442 p. (In Russ.)
- Vodarskii, Ya. E. Vologodskii uезд v XVII veke. In *Voprosy agrarnoi istorii Evropeiskogo Severa SSSR.* Vologda, 1970. Iss. 3. Pp. 253–366. (In Russ.)

Vladislav V. Zlobin

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

SOCIAL MOBILITY OF BOBYLS IN VOLOGDA IN THE 17th CENTURY
(ON THE ISSUE OF KEY FEATURES OF BOBYLS AS A SOCIAL GROUP)

The article studies the social mobility of Vologda's bobyls in the 17th century. Based on the analysis of the data of pistsovy and perepisnye books of Vologda in the 17th century about bobyls who became townspeople, and townspeople who became bobyls, the author offers an answer to the question about the defining features of the bobyl social group. The author concludes that the bobyl status was directly related to the level of a person's wealth. All the bobyls were characterized by a difficult financial situation, indicating their inability to carry a full-fledged tyaglo. The increase in the level of welfare was a condition for the transition to the group of townspeople and the beginning of carrying a full-fledged tyaglo.

Keywords: bobyls, townspeople, Vologda, tyaglo, social mobility, pistsovy books, perepisnye books